

П.П. Супруненко
Интервью с И.А. Ефремовым. 1968 год¹

Москва В-333
ул. Губкина д.4 кв.40
Ефремову
Ивану Антоновичу

Запорожье, 37
пр. Ленина д. 212 кв.44
Супруненко Павел
Павлович

¹ Интервью не было опубликовано при жизни. Данная публикация является первой и включает текст на конверте, рукописное письмо П.П. Супруненко Ефремову, черновой и чистой варианты интервью. Оригинал хранится в семейном архиве Т.И. Ефремовой, фотокопию предоставил А. Нелихов. Компьютерный набор О. Цыбенко, корректура О. Ерёминой.

Дорогой Иван Антонович!¹

Встреча с Вами запомнилась как праздник. Для меня она оставит след на всю жизнь. Хотелось, чтобы эта беседа так же надолго запомнилась и читателям. Подобная беседа, наверное, не делается в один визит. Вы, наверное, не удержитесь и подвергнете ее основательной правке. Я только буду рад Вашим замечаниям и дополнениям.

Если можно, ответьте, пожалуйста, еще на некоторые вопросы:

(они вписаны в беседу)

1) Мы говорили с Вами о роли вымысла писателя-фантаста. А как согласовать это с примечательными словами Л.Н. Толстого о том, что «со временем писатели не будут сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни». Не пророческие ли это слова? Сейчас, кажется, падает доверие к художественной литературе.

2) Нет ли у вас «противоречия» между палеонтологией – взглядом в прошлое, и фантастикой – взглядом в будущее – чему Вы отдаете предпочтение?

3) Фантастика – дар научного предвидения. Но кроме этого логического пути не исключен ли и путь интуиции?

4) Сейчас, кажется, обретает немаловажные права футурология. Насколько, по Вашему мнению, перспективна эта наука?

Прошу извинить меня за назойливость и воровство времени. Доброго вам здоровья!

С уважением, Супруненко.

P. S. Если возможно, Иван Антонович, пришлите, пожалуйста, вместе с беседой свое фото (по запорожскому адресу).

25.14.68 г.

¹ Рукопись.

КУДА ЗОВЕТ МЕЧТА¹

Беседа с писателем И.А. Ефремовым

Хотелось бы, Иван Антонович, начать с географии. Известно, что Ваша биография связана и с Украиной. Хотелось бы знать, какие места оставили у Вас памятные впечатления.

В 1916 году наша семья переехала в Бердянск. Это был небольшой курортный городок. После петербургских каменных мешков меня, двенадцатилетнего мальчишку, конечно, поразило приволье Азовского побережья. Мы бродили по оврагам и лагунам, пекли кукурузу на костерках, околачивались в порту. Несмотря на войну (в Азовское море заходил даже немецкий корабль и сделал несколько выстрелов) рыбацкая жизнь шла полным ходом. Рыбаки – народ необычный. И особенно они были добры к нам, ребятам. В Бердянске я впервые почувствовал свежий, солоноватый привкус моря.

В конце 1918 года с родителями переехал в Херсон, был подхвачен бурным потоком событий. Из гимназии запомнились строчки Т.Г. Шевченко:

Було колись на Україні
Ревіли гармати,
Були колись запорожці
Вміли панувати,
Панували, добували
І славу, і волю.

Мы, подростки, чувствовали себя тоже потомками запорожцев. У нас были свои атаманы, нередко устраивались драки. Причем на довольно честных началах – выделялось равное количество кулашников по принципу «Сколько нас – столько вас».

Впрочем, что наши драки по сравнению с тем, что нам, подросткам, пришлось увидеть и пережить. В городе происходила бесконечная смена властей. Врывалась какая-нибудь банда, стреляя в окна для забавы. На несколько дней в городе появлялся образный по своей форме приказ с угрозой натянуть на барабан шкуру своего противника...

Пришедшие в Херсон греческие и французские оккупанты оставили после себя трупы расстрелянных и повешенных на фонарных столбах. На всю жизнь запомнился горелый запах от заживо сожженных оккупантами заложников в амбарах.

¹ Авторизованная машинопись. Текст, напечатанный на машинке журналистом, содержит правку, сделанную рукой И.А. Ефремова. Пунктуация приведена в соответствии с современными нормами.

Так что было не до романтики. Как же в такой обстановке складывались Ваши мечты, Ваше образование?

Да, романтика была своеобразная. Многое зависит от того, с какими людьми встретишься в юности, какое они окажут влияние.

В доме, где я жил, поселился матрос-чекист. Была у него такая примечательная фамилия – Поднебесный. Ну, конечно, и я приобщался к военным занятиям. Вооружился я до зубов. Однажды изъяли у меня винтовку, несколько пистолетов, гранаты. Но все-таки один пистолет и пару гранат оставили. Это тринадцатилетнему мальчишке...

Жил в Херсоне в то время ярый естественник, учитель Теверацкий. Я благодарен судьбе, что она свела меня с этим интересным, влюбленным в природу человеком. Он много сделал для Херсонского краеведческого музея, для оснащения его сравнительно богатых экспозиций. Он готов был пожертвовать жизнью для защиты своих спиртовых препаратов от поклонников зеленого змея. Время-то было неровно. Мы засиживались с ним до поздней ночи, топили печку губернскими архивами и коротали время в разговорах. Больше говорили о будущем, о книгах. Действительность была неприглядна.

Возможно, чем больше невзгод, тем больше и человек склонен к иллюзиям, к фантастическим утешениям?

Не у всех и не всегда. Мечта – потребность постоянная. А способствовали ей и люди, и море, и книги. Я по-прежнему был близок с рыбаками. На белиндах они выезжали в лиман и дальше в сторону Одессы, ловили скатов. Эта рыба шла на рыбий жир. Он очень нужен был для детей в то тяжелое время. Случилось так, что в Херсоне я остался без присмотра родителей, попал приемышем в автомобильную красноармейскую роту. Это наверно спасло меня от беспризорничества, укрепляло мой боевой дух. Наши войска гнали беляков, и я продвигался вместе с частью на юг. Впереди был Крым – страна обетованная. Этот волшебный край импонировал мне. Я хоть и северянин, но мне больше по душе почему-то были не леса и снежные равнины, а степь и море. Может, это идет от детского приволья в Приазовье. А может, от книжной экзотики. Словом, Крым был мне родным и близким, желанным и необыкновенным. Это действительно был по-своему особенный полуостров, скорее, остров по своей истории, ландшафту, климату, прошлому, настоящему, да, наверно, и будущему.

Крым тоже способствовал Вашей мечте?

Да, но я в него тогда так и не попал. Наши части повернули на запад. Мои ожидания не оправдались, и в Крым я попал только четверть века спустя.

Тогда это, наверно, было горьким разочарованием? Осуществились ли вообще Ваши юношеские мечты?

Разочарования были. Но в такие годы они не страшны. Слишком далеко и высоко приходится в юности забираться в своих книжных, не совсем реальных, нередко наивных странствиях. Но жизнь возвращает на землю. Случается и на мель попадать. Ничего трагического в этом нет. Важно не потерять перспективы, не скатиться к крохоборству, сохранить тягу к знаниям и благородные романтические устремления.

Добрыми волшебниками тут появляются книги.

Я зачитывался Хаггардом под вой пролетаемых снарядов. Переводы, правда, были слабые (их делали тогда полуголодные студенты, как говорилось, за колбасу). Кстати, хорошо было бы сейчас переиздать этого интересного автора. «Копи царя Соломона» и «Дочь Монтесумы» – это только незначительная часть его наследия.

Страной моей мечты была Южная Африка. Я то охотился на слонов и леопардов, то отдыхал после такого утомительного занятия в роскошных палатах, то снова передвигался на слонах...

Но, как видите, при всех своих возможностях, мне так и не пришлось добраться до Южной Африки. И охотиться на слонов пришлось спустя много лет – не на живых, а на ископаемых...

Мечты – и детские, и более зрелые – естественно наталкиваются на трудности. И тут надо найти ту возможную линию, которую можно осуществить. Самому это сделать трудно и почти невозможно. Жизнь не проста, сурова. И была бы еще более неприветливой и мрачной, если бы не было у молодежи опоры со стороны старших, бывалых и опытных. Они-то и помогают перенести юношеские устремления на рельсы реальности. Такими учителями, которые дали мне не только знания, но и заряд воли, нервной энергии, были ленинградский учитель математики В.А. Давыдов и академик Сушкин. Я возвратился в школу красноармейцем-переростком, собирался бросить учебу. А они меня заметили, поверили в меня.

Началась учеба. А потом снова скитания. Но это уже были скитания другого рода – экспедиции.

Кстати, Иван Антонович, какое значение придаете Вы путешествиям?

Я убежден, что инстинкт к передвижению, «охота к перемене мест» – одно из основных чувств человека. Они идут еще от первобытного состояния, когда охотник был разведчиком новых мест.

Однообразие притупляет наши чувства.

Мечта о бродяжничестве не дает покоя и молодым. Но скитальцы бывают разные.

В бродяжничестве, которое было популярно до революции, во многом «виноват» Горький. Его бродяга противопоставлялся скопидонам, дремучей массе кулаков. Он

превратился в фигуру политическую, хотя и был без положительного действия, дискредитированный. Сравнительно привлекательней бродяги Джека Лондона, своеобразные пионеры, которые шли по неведомым путям, открывали новые области.

В наших условиях сама жизнь выправила и направила по нужному руслу бродяжничество. Оно возрождено на новой здоровой основе, стало пионерством в различных областях. Думаю, что в будущем оно примет невиданный размах, и в силу тяги к природе, жажде впечатлений, да и в силу самого воспитания. Помните, в моем романе, как будут перебрасываться школы из одного места в другое, климатические зоны будут изучаться на месте. Везде родные места...

Тогда, очевидно будут не менее модны и космические путешествия? Вы не планируете такой поездки в недалеком будущем? Не пора ли, по нашим условиям, становиться в очередь?

За молодежью сейчас не угнаться. Это тот случай, когда старшие уступают место. В частности, я при моем сдавшем сердечном моторе, предпочитаю полет мысли. В новом романе «Рог Быка», который я заканчиваю, этот полет будет гораздо более дальним, чем в «Туманности Андромеды».

А вообще нужно заметить, что сейчас так велик взлет техники, что и фантазии особенной не надо. Важно сохранить интерес к живому миру. Есть серьезная опасность – пустое увлечение техникой. На западе «ангелы смерти» устраивают сумасшедшие гонки на мотоциклах и авто. Вот и приходится слышать от некоторых незрелых людей: «Толстой лицемерил в сексуальных вопросах» или «У Достоевского слишком мелочные переживания». Такое интеллектуальное убожество к добру не приведет. Машина должна стать средством, а не целью. Хочется верить, что потомки будут лучше нас. Но поручиться за это трудно. И если их интересы будут представлены только транзисторами, автомобилями и другими подобными аппаратами, то в этом и наша вина. Погоня за вещами должна переключиться на погоню за духовными ценностями.

В этом предостережении больше всего, наверное, могут помочь писатели. Заодно интересно представить и самого писателя в будущем.

Задача перед литературой сейчас, возможно, как никогда раньше, ответственнейшая. Трудно себе представить, чтобы техника опередила, подавила мораль. Иначе машина станет не средством, а целью. Перед литературой стоят важнейшие проблемы: человек и техника, человек и общество. От их решения зависит, в какой психической атмосфере окажутся наши потомки. И роль фантастики не такая уж отвлеченная, как кое-кому может показаться при поверхностном взгляде. Да, у Уэллса есть замечание о том, что фантастика является своеобразной критикой действительности. Он видел крушение современного ему общества. Вот почему он в конце своей жизни почувствовал такую неудовлетворенность, пришел к

мысли о возможных катастрофических последствиях прогресса науки, говорил о несоответствии морального и технического прогресса.

Думаю, что у нас все-таки больше оснований для оптимизма. Человек станет более совершенен. В том числе и писатель будущего. Расширяются наши физические возможности. Когда отойдет в прошлое наше невежество, в биологии раскроются невиданные резервы памяти, долголетия. Конечно, станут подручными и кибернетические помощники. Не будет никакой нужды, например, держать в голове, где, как и когда состоялись битвы Александра Македонского – такая информация будет всегда наготове у машины. А человек обретет большую прямолинейность в познании, богаче эмоциональность. А то ведь что получается сейчас. К пятидесяти-шестидесяти годам только обогатится информацией, только работать бы ему по-настоящему, а тут отказывает здоровье. Слово за биологами – они внесут свои коррективы. Образование пойдет более естественным путем, будет намного приятней...

Станут умнее и писатели. Они будут решать реальные, а не дутые проблемы, создавать не подделки, а по-настоящему волнующие, полезные произведения.

Мы говорили, Иван Антонович, о роли вымысла писателя. А как согласовать это с примечательными словами Л.Н. Толстого о том, что «со временем писатели не будут сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни». Не пророческие ли это слова: Сейчас, кажется, падает доверие к художественной литературе.

Наверное, уже и сейчас есть произведения, которые хотя бы частично отвечают высоким требованиям будущего? Какие из них, по вашему мнению, смогут выдержать испытание временем?

Пророчество – дело рискованное, – улыбается И.А. Ефремов, – даже для фантастов. Я думаю, что такое испытание выдержит тот автор, который все силы ума и сердца отдавал литературе, основательно знал жизнь, был честным.

Отвечает ли этим требованиям такой писатель, как А. Солженицын?

С точки зрения Ивана Денисовича, он многое сумел сказать талантливо, со всей серьезностью и прямоотой. Но я скорее отношусь к людям типа Кавторанга...

Это не полярные позиции?

Нет, романтика не расходится с реализмом, у нее лишь иной угол зрения. У нее шире взгляд, она больше связана с историческим прошлым, местом, комплексом явлений, ведет дальше за это явление. Для меня нужно объяснение причин. У реализма более узкий, более детальный взгляд, и хотя он и глубокий, но без достаточной перспективы. Тут есть опасность утраты не только широты, но и обещания, которое сулит жизнь. А без такой надежды, мечты, сама жизнь невозможна. Чем меня привлекает (причем куда больше, чем Иван Денисович или

Мелихов), скажем, такая фигура, как Дерсу Узала. Он дан как тип исторический, во всей связи с природой, а потом уже как индивидуальный характер. Тут обычай, традиции, широкий охват жизни, ее закономерностей. Мне хотелось бы видеть писателя как историка Земли, планеты.

Тут должны были бы сказать свое слово критики. Причем в будущем, да уже и сейчас, наверное, не обойтись без помощи кибернетики.

Да, такая подмога нужна уже сейчас. Ведь в настоящее время в мире ежегодно издается 18 тысяч новых романов и повестей, не говоря уже о переизданиях. А средний читатель может прочесть из них восемь вещей в год. Что предпочесть? Человек тонет в книжном океане. Это тоже немаловажная угроза. При стандартности жизни и образа мышления человек живет не здоровой потребностью приключений, а литературной наркоманией, детективщиной. Почему стал на Западе таким популярным Джеймс Бонд? Обыватель не видит другой возможности стать героем, не иначе как становясь тайным агентом. Это героизм наизнанку. Где уж тут до мечты!

Как спастись в беллетристическом наводнении? Одно самостоятельное воспитание тонкого вкуса для литературной гастрономии не поможет. Необходимы объективные критерии оценки людей, темы: их чувства и мысли, эпос путешествий и т.д. Но как выбрать что-то значительное, талантливое? Несомненно, без электронно-кибернетических гидов тут не обойтись уже сейчас. Немаловажны социологические исследования по литературному творчеству, читательским интересам. В этом отношении заслуживает внимания статья Канторовича в одном из последних номеров «Нового мира». Руководствоваться авторитетами или интуицией становится рискованно.

Фантастику называют даром научного предвидения. Но кроме этого логического пути не исключен и путь интуиции? По крайней мере у писателя.

Писатель-фантаст волей-неволей становится пророком. Иван Антонович, Вы по-прежнему уделяете внимание сейчас палеонтологии? Нет ли у вас «противоречий» между «взглядом в прошлое» и «взглядом в будущее»? Случайно ли такое совпадение Ваших занятий?

Вы спрашиваете, – обращается Иван Антонович ко мне, – не вытеснил ли писатель-фантаст сказочника, не утрачен ли престиж сказки, фольклора. Думаю, что угроза не с этой стороны. Дело, очевидно, в изменившихся условиях. Фольклор основывается больше на событиях, имевших место в жизни, отталкивается от них. Другой вид фантазии, чистой, я бы назвал, фантазии, человек создавал более абстрактно, более отрываясь от земли, придумывал, строил события, которых никогда не было. Эта мечта была самым сильным оружием, с помощью которого он одерживал свои победы. Она охраняла его от невзгод, не давала ему сломаться. Щит мечты, броня фантазии – я не знаю более надежной защиты. Мечта была тем

мечом знания, с которым он пробивался и пробивается к будущему. Опасение внушает не исчезновение сказочников, утрачивается задача фантазии из-за чрезмерного увлечения комфортом, голой техникой, материальными излишествами. А человеку присуще духовное восхождение.

И еще один вопрос, Иван Антонович. Сейчас, кажется, обретает немаловажные права футурология. Насколько, по Вашему мнению, перспективна эта наука?

Из беседы с И.А. Ефремовым¹

– В 1916 году наша семья переехала в Бердянск. Это был небольшой курортный городок. После петербургских каменных мешков меня, мальчишку, поразило приволье Азовского побережья. Мы бродили по оврагам и лагунам, пекли кукурузу на костерках, околачивались в порту. Несмотря на войну, рыбацкая жизнь шла полным ходом. Рыбаки – народ необычный. И особенно они были добры к нам, ребятам. В Бердянске я впервые почувствовал свежий солоноватый привкус моря.

В конце 1918 года с мамой, сестрой и братом перебрались в Херсон родственникам. Вся жизнь в Херсоне резко разбивается на два периода: первый, пока с нами была мама, я ходил в гимназию, имел друзей. Второй (без мамы) – смутный и голодный, когда мы сами продавали вещи и жили кое-как.

В городе происходила бесконечная смена властей. Врывалась какая-нибудь банда, стреляя в окна для забавы, на несколько дней в городе появлялся образный по своей форме приказ с угрозой «натянуть на барабан шкуру своего противника»... На всю жизнь запомнился горелый запах от заживо сожженных оккупантами заложников в амбарах, расстрелы и свирепства с евреями, которых мы прятали в подвале, за дровами и связками камыша. Мы носили им туда еду и воду, пока не проскакивала город очередная орда махновцев, петлюровцев, григорьевцев, зеленых или черт еще кого.

Вот в такой обстановке складывались наши мечты. Романтика была своеобразная. Много зависело от того, с какими людьми встретишься в юности, какое они окажут влияние.

В доме, где я жил, поселился матрос-чекист. Была у него такая примечательная фамилия – Поднебесный. Ну, конечно, и я приобщался к военным занятиям. Вооружился я до зубов. Однажды изъяли у меня винтовку, несколько пистолетов, гранаты. Но все-таки один пистолет и пару гранат оставили. Это тринадцатилетнему мальчишке.

Я благодарен судьбе, что она свела меня в Херсоне с еще одним интересным, влюбленным в природу человеком. Ярый естественник Леонид Степанович Теверацкий много сделал для краеведческого музея, он готов был пожертвовать жизнью для защиты своих спиртовых препаратов от поклонников зеленого змея. Мы дружили и провели немало дней зимой в музее, засиживаясь до поздней ночи у печки, которую мы топили архивом губернского управления (теперь-то я знаю, что это — черт-те что!). Больше говорили о будущем, о книгах. Действительность была неприглядна.

– Возможно, чем больше невзгод, тем больше и человек склонен к мечте, фантазии?

¹ Далее идёт текст, который планировался Супруненко как чистовой.

– Не у всех и не всегда. Мечта – потребность постоянная. У меня способствовали ей и люди, и море, и книги. Я по-прежнему был близок с рыбаками. На белиндах они выезжали в лиман и дальше в сторону Одессы – ловили скатов. Эта рыба шла на рыбий жир, он очень нужен был для детей в то тяжелое время.

Случилось так, что в Херсоне я остался без присмотра родителей, попал приемышем в автомобильную красноармейскую роту – это наверное спасло меня от беспризорничества. И снова мне встретились хорошие люди — шофер на «моей» машине — Даймлере был Гавриил Прожога, а автомехаником роты — Сергей Баячко — вот мои главные покровители. Наши войска теснили белых и продвигались на юг, вместе с частью был и я. Впереди был Крым. Этот волшебный край импонировал мне. Я хоть и северянин, но мне больше по душе были не леса и снежные равнины, а степь и море. Может, это идет от детского приволья в Приазовье. А может, от книжной экзотики. Крым был мне родным и близким. Это действительно по-своему особенный полуостров, скорее, остров по своей истории, ландшафту, климату, прошлому, настоящему, да, наверное и будущему.

Но тогда в Крым я так и не попал. Наши части повернули на запад. Мои ожидания не оправдались, и в Крым я попал только четверть века спустя.

Вообще в юношеские годы были разочарования. Но в такие годы они не страшны. Слишком далеко и высоко приходится в юности забираться в своих книжных, не совсем реальных, нередко наивных странствиях. Но жизнь возвращает на землю. Случается и на мель попадать. Ничего трагического в этом нет. Важно не потерять перспективы, не скатиться к крохоборству, сохранить тягу к знаниям, благородные романтические устремления. Добрыми волшебниками тут являются книги. Я зачитывался Хаггардом. Переводы, правда, были слабые (их делали тогда полуголодные студенты).

Страной моей мечты была Южная Африка. Я то охотился на слонов и леопардов, то отдыхал после утомительного занятия в роскошных палатках, то снова передвигался на слонах...

Но при всех своих возможностях, мне так и не пришлось добраться до Южной Африки. И охотиться на слонов пришлось спустя много лет не на живых, а на ископаемых...

Мечты – и детские, и более зрелые – естественно наталкиваются на трудности. И тут надо найти ту возможную линию, которую можно осуществить. Самому это сделать трудно и почти невозможно. Жизнь не проста, сурова. И была бы еще более неприветливой и мрачной, если бы не было у молодежи опоры со стороны старших, бывалых и опытных. Они-то и помогают перенести юношеские устремления на рельсы реальности. Такими учителями, которые дали мне не только знания, но и заряд воли, нервной энергии, были ленинградский учитель математики В.А. Давыдов и академик П.П. Сушкин. Я возвратился в школу

красноармейцем-переростком, собирался бросить учебу. А они меня заметили, поверили в меня.

Началась учеба. А потом снова скитания. Но это уже были скитания другого рода – экспедиции.

Вообще, путешествиям я придаю большое значение. Я убежден, что инстинкт к передвижению, «охота к перемене мест» – одно из основных чувств человека. Они идут еще от первобытного состояния, когда охотник был разведчиком новых мест. Однообразие притупляет наши чувства.

Мечта о бродяжничестве не дает покоя и молодым. Но скитальцы бывают разные.

В бродяжничестве, которое было популярно до революции, во многом «виноват» Горький. Его бродяга противопоставлялся скупидонам («человек, расчетливый до скупости», – В. Даль). Он превратился в фигуру политическую, хотя и был без положительного действия, деклассированный. Сравнительно привлекательней бродяги Джека Лондона, своеобразные пионеры, которые шли по неведомым путям, открывали новые области.

В наших условиях сама жизнь выправила и направила по нужному руслу бродяжничество. Оно возрождено на новой здоровой основе, стало пионерством в различных областях. Думаю, что в будущем оно примет невиданный размах, и в силу тяги к природе, жажде впечатлений, да и в силу самого воспитания. Я описал в своем романе «Туманность Андромеды», как будут перебрасываться школы из одного места в другое, климатические зоны будут изучаться на месте...

Сейчас так велик взлет техники, что и фантазии особенной не надо. Важно сохранить интерес к живому миру. Есть серьезная опасность – пустое увлечение техникой. На западе «ангелы смерти» устраивают сумасшедшие гонки на мотоциклах и авто. Вот и приходится слышать от некоторых незрелых людей: «Толстой лицемерил в сексуальных вопросах» или «У Достоевского слишком мелочные переживания». Такое интеллектуальное убожество к добру не приведет. Машина должна стать средством, а не целью. Хочется верить, что потомки будут лучше нас. Но поручиться за это трудно. И, если их интересы будут представлены только транзисторами, автомобилями и другими подобными аппаратами, то в этом и наша вина. Погоня за вещами должна переключиться на погоню за духовными ценностями.

В этом предостережении должны и могут помочь писатели. Задача перед литературой сейчас, возможно, как никогда раньше, ответственнейшая. Трудно себе представить, чтобы техника опередила, подавила мораль. Иначе машина станет не средством, а целью. Перед литературой стоят важнейшие проблемы: человек и техника, человек и общество, человек и природа. От их решения зависит, в какой психической атмосфере окажутся наши потомки. И роль фантастики не такая уж отвлеченная, как кое-кому может показаться при поверхностном

взгляде. У Уэллса есть замечание о том, что фантастика является своеобразной критикой действительности. Он видел крушение современного ему общества. Вот почему он в конце своей жизни почувствовал такую неудовлетворенность, пришел к мысли о возможных катастрофических последствиях прогресса науки, говорил о несоответствии морального и технического прогресса.

Думаю, что у нас все-таки больше оснований для оптимизма. Человек станет более совершенным. В том числе и писатель будущего. Расширятся наши физические возможности. Отойдет в прошлое наше невежество, в биологии раскроются резервы памяти, долголетия. Конечно, станут подручными и кибернетические помощники. Не будет никакой нужды, например, держать в голове, где, как и когда состоялись битвы Александра Македонского – такая информация будет всегда наготове у машины. А человек обретет большую прямолинейность в познании, будет богаче эмоционально. А то ведь что получается. К пятидесяти–шестидесяти годам только обогатится информацией, только бы работать ему по настоящему, а тут отказывает здоровье. Слово за биологами – они внести должны свои коррективы. Образование должно пойти более естественным путем, будет более эффективным...

Писатели должны решать реальные, а не дутые проблемы, создавать не подделки, а по настоящему волнующие, полезные произведения. Правда, и сейчас есть произведения, которые хотя бы частично отвечают высоким требованиям будущего, но какие смогут выдержать испытание временем, предсказывать не берусь. Пророчество – дело рискованное, даже для фантастов. Я думаю, что такое испытание выдержит тот автор, который все силы ума и сердца отдает литературе, основательно знает жизнь, был честным.

– Отвечает ли этим требованиям такой писатель, как А. Солженицын?

– С точки зрения Ивана Денисовича, он многое сумел сказать талантливо, со всей серьезностью и прямоотой. Но я, скорее, отношусь к людям другого типа.

– Это не полярные позиции?

– Нет, романтика не расходится с реализмом, у нее лишь иной угол зрения. У нее шире взгляд, она больше связана с историческим прошлым, местом, комплексом явлений, ведет дальше за это явление. Для меня нужно объяснение причин. У реализма более узкий, более детальный взгляд, и хотя он и глубокий, но без достаточной перспективы. Тут есть опасность утраты не только широты, но и обещания, которое сулит жизнь. А без такой надежды – мечты, сама жизнь невозможна. Чем меня привлекает (причем больше, чем Иван Денисович или Мелихов) такая фигура, как Дерсу Узала. Дерсу Узала дан как тип исторический, во всей связи с природой, а потом уже как индивидуальный характер. Тут обычаи, традиции, широкий охват жизни, ее закономерностей. Мне хотелось бы видеть писателя как историка Земли, планеты.

Писателю не обойтись сейчас без помощи кибернетики. Ведь в мире ежегодно издается огромное количество новых романов и повестей, не говоря уже о переизданиях. Человек тонет в книжном океане. Это тоже немаловажная угроза. При стандартности жизни и образа мышления человек живет не здоровой потребностью приключений, а литературной наркоманией. Почему стал на Западе популярным Джемс Бонд? Обыватель не видит другой возможности стать героем, не иначе как становясь тайным агентом. Это героизм наизнанку. Где уж тут до мечты!

Как спастись в беллетристическом наводнении? Одно самостоятельное воспитание тонкого вкуса для литературы не поможет. Необходимы объективные критерии и оценки. Основным отражением в литературе, очевидно, станут волнующие людей темы: их чувства и мысли, эпос путешествий и т.д. Но как выбрать что-то значительное, талантливое? Несомненно, без электронно-кибернетических гидов тут не обойтись. Немаловажны социологические исследования по литературному творчеству, читательским интересам. Руководствоваться авторитетами или интуицией становится рискованно.

Меня часто спрашивают – не вытеснил ли писатель-фантаст сказочника, не утрачен ли престиж сказки, фольклора. Думаю, что угроза не с этой стороны. Дело, очевидно, в изменившихся условиях. Фольклор основывается больше на событиях, имевших место в жизни, отталкивается от них. Другой вид фантазии, я бы назвал, чистой фантазии, человек создавал более абстрактно, более отрываясь от земли, придумывал, строил события, которых никогда не было. Эта мечта была самым сильным оружием, с помощью которого он одерживал свои победы. Она охраняла человека от невзгод, не давала ему сломиться. Щит мечты, броня фантазии – я не знаю более надежной защиты. Мечта была тем мечом знания, с которым он пробивался и пробивается к будущему. Опасение внушает не исчезновение сказочников. Утрачивается задача фантазии из-за чрезмерного увлечения комфортом, голой техникой, материальными излишествами. А человеку присуще – духовное восхождение.